

ОБ УСЛОВИЯХ И ФАКТОРАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

А. Г. Аганбегян

Статья посвящена анализу текущего социально-экономического развития России и обсуждению возможных направлений существенного улучшения экономической ситуации. Показано, что нынешняя ситуация характеризуется триадой: стагнация — рецессия — стагфляция. Рассмотрены причины, вызвавшие замедление социально-экономического развития в России. Предложен переход к ускорению социально-экономического развития на основе новой инвестиционной политики. Подробно рассмотрены механизмы инвестирования и источники финансирования инвестиционных проектов.

1. Социально-экономическая ситуация в России

Ситуация — хуже некуда. В течение 2012–2013 гг. в России произошел переход от экономического роста в размере 3,5–4,5 % к стагнации при росте ВВП в 2013 г. — 1,3 %. При этом наблюдался практически нулевой рост промышленности, сокращение строительства, производства машин и оборудования и грузооборота железнодорожного транспорта при снижении инвестиций. Кроме того, упал объем экспорта продукции, финансовый результат деятельности предприятий и организаций, а также их рыночная капитализация.

Затем, с 2014 г. негативные тенденции усилились, начался процесс рецессии: в I и II кварталах была техническая рецессия, когда квартальный объем ВВП был ниже, чем в предшествующем квартале, а с III квартала началась настоящая рецессия, когда квартальный ВВП

оказался ниже соответствующего периода прошлого года. Это наглядно демонстрирует диаграмма на рисунке 1.

Резкое замедление социально-экономического развития страны, как ни странно, сопровождалось ускорением инфляции в годовом исчислении — с 5,1 % в 2012 г. она ускорилась до 6,8 % в 2013 году и до 7,5 % в 2014 г.

Противоположные тренды динамики ВВП и инфляции представлены на графике (рисунок 2).

Сочетание стагнации и рецессии, с одной стороны, и ускоряющейся инфляции — с другой, привело к пагубному для экономики страны процессу стагфляции, который углубляет кризисные явления и делает более болезненным их преодоление.

Таким образом, нынешняя социально-экономическая ситуация характеризуется триадой: стагнация — рецессия — стагфляция.

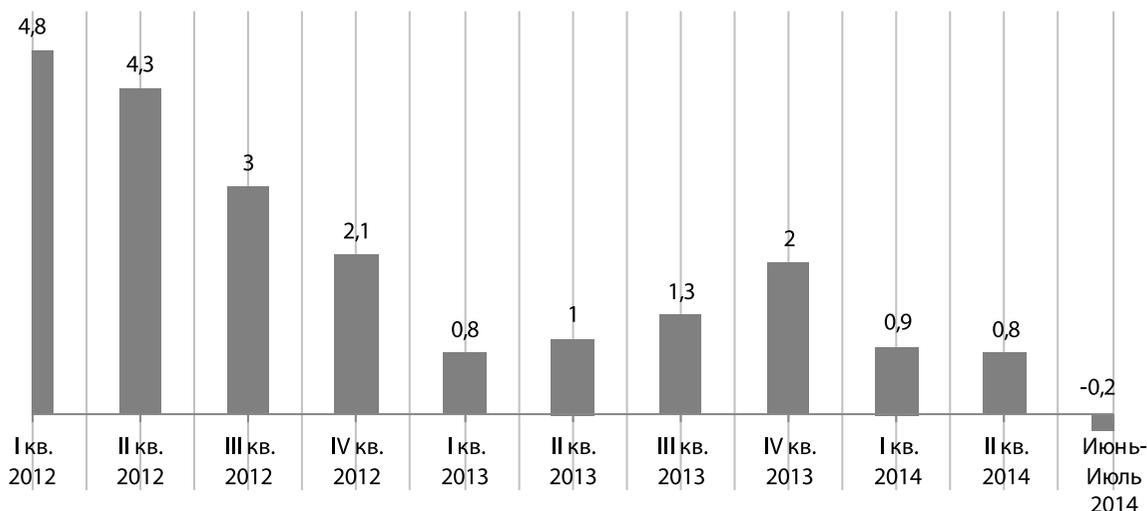

Рис. 1. Показатели ВВП РФ в 2012–2014 гг., поквартально

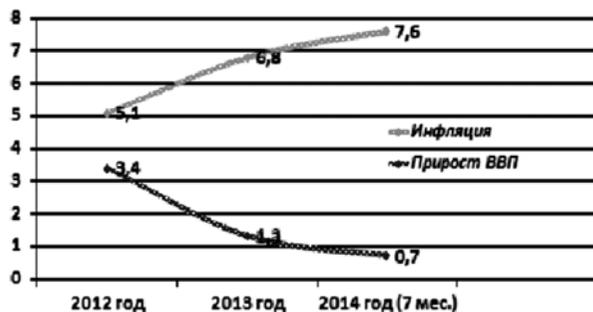

Рис. 2. Динамика ВВП и инфляции в 2012–2014 гг.

Заметим, что эти негативные процессы сформировались внутри нашей экономической системы в период до введения санкций со стороны США и Евросоюза против России в связи с присоединением Крыма и событиями на Украине. Эти санкции, как известно, были введены в незначительном объеме в марте 2014 г., а затем в виде уже секторальных и отраслевых санкций в конце июля, а дополнительные санкции — в середине сентября 2014 г. Так что указанные санкции из-за их кратковременного действия пока слабо сказались на результатах нашего развития. Но они, безусловно, представляет существенную угрозу нашей экономике.

Главное негативное влияние на нас окажут ограничения в области предоставления финансовых ресурсов. В прошлые годы для своего развития Россия ежегодно наращивала свой долг перед международными инвесторами, в значительной мере развиваясь за счет привлечения иностранного капитала. В 2012 г., например, внешний долг России вырос на 98 млрд долл., а в 2013 г. — еще на 96 млрд долл. Другими словами, ежегодно привлекалось в России по нынешнему валютному курсу около 3,5 трлн руб., что составило более 5 % объема ВВП 2013 г. (66,7 трлн руб.), или более 26 % от всех годовых инвестиций в развитие страны (13,3 трлн руб.).

Теперь с 2014 г. такого привлечения средств нет. Напротив, внешний долг сокращается и резко усилился отток капитала. В I полугодии 2014 г. он составил 74,5 млрд долл. и существенно превысил отток капитала за весь 2013 г. (около 64 млрд долл.). Жестким финансовым ограничениям подвергнуты наиболее крупные государственные банки страны, сосредотачивающие более половины всех активов банковской системы, которые предоставляли подавляющую часть инвестиционных займов нашим предприятиям и организациям. Речь идет о Сбербанке, ВТБ, Газпромбанке и Сельхозбанке. После введения санкций существенно ухудшились условия предоставления

финансовых средств и другим российским банкам. Тем более что эти санкции сопровождались снижением кредитного рейтинга России с перспективой «негативный». Соответственно, понижены и рейтинги ведущих российских банков и компаний.

По оценке экспертов, негативное влияние санкций может быть оценено в размере сокращения ВВП России на 1–2 % в год. Эта оценка не учитывает негативное влияние на Россию наших ответных санкций. В частности, ограничение импорта продовольствия из развитых стран мира приведет к временным трудностям с обеспечением отдельными видами продовольствия и уже вызвало определенное повышение розничных цен — инфляция заметно усилилась. Сильнее мы ощутим влияние всех санкций в следующем 2015 г.

По прогнозам Минэкономразвития, ВВП России в 2015 г. вырастет на 1 % за счет несколько более высокого прироста ВВП во второй половине следующего года. Что касается первых двух кварталов 2015 г., то с большой долей вероятности они продолжают рецессию второй половины этого года. Оценка западных организаций — пессимистическая: они предсказывают 0-уровень 2014 и 2015 гг. при высоких рисках сокращения ВВП. В следующем году, по мнению большинства экспертов, повышенная инфляция сохранится, хотя Центральный банк ставит задачу ее снизить до 5,5 %.

Вместе с тем, надо заметить, что санкции со стороны Европы, нашего главного внешнеэкономического партнера и по торговле, и по финансовому взаимодействию, установлены сроком на один год. При этом руководство Европейского Союза подчеркивает, что если на Украине мирный процесс будет продолжен и укрепится, то они готовы отменить эти санкции досрочно. На это Европу частично подталкивают и наши ответные меры, так как ограничение со стороны России на поставку к нам европейского продовольствия негативно повлияло на экономику фермерских хозяйств Европы и предприятий по переработке сельхозпродукции, которые, например, более 1/4 всего экспорта молока и молочных продуктов отправляли в Россию.

В заключение заметим, что невысокий размер инвестиций в 2012 г., едва превысивший их размер в докризисном 2008 г., и сокращение объема инвестиций в 2013 г. и особенно в 2014 г., не создают достаточных заделов для экономического роста в 2016–2018 гг. Ничего хорошего не сулит нам в этом смысле и предстоящий 2015 г., в котором вряд ли возможен

заметный рост инвестиций. Поэтому среднесрочные перспективы до 2020 г. оптимизма, мягко говоря, не внушают.

2. Причины, вызвавшие замедление социально-экономического развития в России

Наша цель ясна — необходимо преодолеть стагнацию и рецессию и ускорить социально-экономическое развитие страны. Как говорилось в годы первой пятилетки СССР, «темпы решают все».

Для того чтобы реализовать эту цель, нужно разобраться в причинах, которые потянули экономический рост вниз к нулевому темпу. Зная эти причины, можно затем определить меры по нейтрализации или устранению этих причин, что улучшит наше социально-экономическое развитие. При этом надо выявить факторы и условия, которые толкнут экономику вверх, и сделать на них ставку. Такая двойная система мер — с одной стороны, предотвратить снижение темпов, а с другой стороны, усилить экономический рост — приведет к успеху.

От чего зависит экономический рост страны? С точки зрения внутренних условий и факторов он зависит, во-первых, от эффективности использования имеющихся ресурсов и, во-вторых, от инвестиций в технологическое обновление производства и создание новых мощностей, которые вызовут рост производства.

Понятно, что лучшее использование действующих ресурсов наталкивается на очевидное ограничение, особенно в том случае, если мы имеем дело с отсталой материально-технической базой и с неэффективной, устаревшей структурой производства. Без серьезных инвестиций в этом случае ускорить экономический рост вряд ли удастся. Ведь продукция, которая производится с использованием устаревшей техники, как правило, имеет высокие издержки и недостаточное качество, что приводит к ее низкой конкурентоспособности, и она не пользуется достаточным спросом. Потребности здесь все в большей мере покрываются за счет импорта продукции, которая производится на более совершенном оборудовании, стоит дешевле и имеет более высокое качество. Новые потребности удовлетворяются новой продукцией, которая, как правило, не может быть произведена на старых фондах при старой технологии.

Вывод однозначен: если мы хотим обеспечить ускоренный экономический рост в условиях устаревших основных фондов и оборудо-

вания и в условиях устаревшей структуры производства, это можно сделать главным образом за счет инвестиций.

С помощью инвестиций нужно заменить старую технологию новой, для чего потребуются сменить систему агрегатов, машин и оборудования, переучить кадры, ввести новые мощности по производству востребованной продукции, что обеспечит ускоренное развитие. Если же у вас процесс технической реконструкции, например промышленности, в основном проведен, то дополнительный рост может быть в значительной мере обеспечен за счет освоения новых возможностей более совершенной техники, достижения здесь проектных показателей, раскрытия дополнительных возможностей проведенного ранее технологического обновления.

Что касается промышленности и народного хозяйства России, то, грубо говоря, 2/3 отраслей и сфер деятельности у нас технологически являются крайне отсталыми. Износ основных фондов здесь превышает 50 %, 30 % и более оборудования и машин полностью изношены, средний срок их службы превышает 15 лет, в то время как старыми считаются — со сроком свыше 10 лет, а рекомендуемая норма — иметь средний срок работы машин и оборудования 7–8 лет.

Особенно отстала у нас вся энергетика — и электроэнергетика, и тепловая энергетика, транспорт, большинство отраслей машиностроения (может быть, за исключением новых автомобильных заводов и подвергшихся техническому перевооружению предприятий энерго- и электромашиностроения). Отсталыми являются в стране нефтепереработка, легкая промышленность, многие предприятия химии и лесного комплекса, часть предприятий по производству стройматериалов.

Устаревшей техникой оснащены в России все виды транспорта, отстают ЖКХ и госструктуры. Предстоит продолжить техническое перевооружение здравоохранения, где пока модернизирована только треть всех организаций, а также образования.

В лучшем положении — металлургия, пищевая промышленность, значительное число предприятий которой технологически модернизировано, система связи, торговля и банки, особенно в крупных городах.

Из-за такой технологической отсталости уровень производительности труда в промышленности и народном хозяйстве России в 2,5–3 раза ниже, чем в развитых странах, энергоемкость валовой продукции вдвое выше, в том

числе в сравнении с североевропейскими странами, находящимися в более суровых природно-климатических условиях, материалоемкость — выше в 1,5 раза из-за низкой глубины переработки сырья.

В составе валовой продукции у нас преобладают топливно-энергетические отрасли, производство сырья, полуфабрикатов и материалов при низкой доле готовой продукции с высокой добавленной стоимостью. Особенно это видно по составу экспорта, 70 % которого составляют топливно-энергетические товары и еще 15 % сырье, полуфабрикаты и материалы. В составе готовой продукции крайне низок удельный вес высокотехнологических, наукоемких, инновационных товаров и услуг.

Больше всего при этом мы отстаем по развитию самой важной и передовой части народного хозяйства — сферы «экономики знаний», включающей науку, образование, информационные и биотехнологии, здравоохранение. Эта сфера, составляющая в настоящее время в Западной Европе 35 % ВВП, а в Америке даже 45 % ВВП, развивается в передовых странах быстрее общего экономического роста.

В России экономика знаний производит только 15 % ВВП — вдвое ниже, чем это было в период советской власти, и темпы ее развития скорее отстают, чем опережают общеэкономический рост, в том числе в последний послекризисный период.

Поэтому в России при такой структуре промышленности и народного хозяйства, при таком отставании материально-технической базы страны экономическое развитие в большей степени, чем в других, более передовых странах, зависит от динамики инвестиций.

После трансформационного кризиса 1990–1998/99 гг. в течение 10 лет наша страна развивалась высокими темпами: ВВП рос по 6,5–7 % в год, инвестиции — по 11–13 %, промышленность — по 6–6,5 %, реальные доходы — по 9–11 % (первая цифра — средняя за 10-летний период, вторая — средняя за последние пять лет). Как видно, здесь на 1 % прироста ВВП приходилось почти 2 % прироста инвестиций. Если же учесть, что наполовину этот экономический рост был связан с огромным притоком валюты в страну из-за повышения экспортных цен на нефть и газ, составляющих 2/3 нашего экспорта, и попытаться как-то «очистить» экономический рост от этих внешнеэкономических факторов, то на 1 % прироста ВВП за счет внутренних условий и факторов экономического развития нужно было прирастить инвестиции в основной капитал примерно на 3 %.

В кризис 2008–2009 гг. в России инвестиции снизились на 16 % и начали расти в послекризисный период с 2010 г. Но и в 2010 и в 2011 гг. они еще не достигали предкризисного уровня 2008 г. Этот уровень был достигнут и немного превышен только в 2012 г.

А ведь инвестиции — это вложение в будущее. И если мы хотим, например, ввести жилой дом через два года, то сегодня надо начать вкладывать деньги в приобретение и оформление земли под это строительство, в разработку проекта, в развитие стройбазы и другие подготовительные работы. Затем, начиная с фундамента и стен, начнут возводиться жилые дома, и года через два мы получим результат. Если же это касается, к примеру, крупного технологического комплекса по производству полипропилена, который стоит 2 млрд долл., то для производства продукции потребуется уже года четыре, а достижение проектной мощности произойдет лет через шесть.

Еще больше потребуются времени, если мы хотим пустить скоростной поезд Москва — Казань по специально построенной скоростной железной дороге, стоимость которой оценивается в 15 млрд долларов. Такую дорогу со всеми ее сооружениями нужно строить с учетом ее освоения в течение 6–8 лет.

В среднем же отдача инвестиций как вложения в будущее наступает через четыре года.

Инвестиции кризисного 2009 г., как говорилось, были на 16 % ниже предкризисных времен, и поэтому через четыре года, то есть в 2013 г., было введено минимальное количество новых мощностей, и, соответственно, резко снизился прирост экономики. Он снизился так же из-за того, что сократилась деловая активность наших крупнейших компаний, особенно государственных, которые в 2013 г. заметно снизили объем инвестиций, и их доля в ВВП сократилась. Прирост экономики низким будет и в 2014 г., потому что инвестиции в 2010 г., определяющие ввод новых мощностей, лишь немного приподнялись после кризисного минимума, находясь существенно ниже уровня 2008 г. И в 2014 г. деловая активность, особенно инвестиционная, тоже низка, так что объем инвестиций ускорил снижение.

При всей многофакторности, вызывающей экономический рост, ключевую роль здесь играют инвестиции, и резкое снижение темпов роста экономики в 2012–2014 гг. главной своей причиной имеет падение инвестиций в кризис и их медленное восстановление в первые послекризисные годы.

Дело усугубилось в связи с новым явлением, которое возникло в кризис, — оттоком капитала из России. До кризиса, особенно в 2006 и в 2007 гг., в Россию шел приток капитала (соответственно, +43 млрд долл. и +82 млрд долл.), а с 2008 г. — года начала кризиса в России, приток сменился огромным оттоком, составившим 133 млрд долл. всего за один 2008 г. В 2009, 2010, 2011, 2012, 2013 и в 2014 гг. этот отток продолжался. Особенно значительным он был в 2011 г. — 80 млрд долл., а в 2014 г. из-за рецессии и санкций он составит — 100–120 млрд долл.

Всего же за прошедшее время из России убыло больше, чем прибыло, — более 500 млрд долл. Это обескровило нашу экономику, снизило прирост бюджетных расходов, кредитных ресурсов, собственных средств предприятий, которых не хватило для развития экономики. Ведь развитие экономики базируется на финансовых средствах (собственных и заемных), которые в эту экономику вкладываются.

Этот отток финансовых средств за рубеж в кризис и послекризисный период наложил на огромный расход валюты в период кризиса из-за уменьшения выручки в связи с сокращением экспорта (на 234 млрд долл. за 2009–2010 гг.), снижение международных золотовалютных резервов из-за их вложения в доходы федерального бюджета и на предотвращение катастрофической девальвации рубля (на 211 млрд долл. в 2008–2009 гг.) и замены профицита федерального бюджета (62 млрд долл. в 2008 г.) на дефицит, а всего — 507 млрд долл. сокращения валютных ресурсов.

Отток капитала во многом был связан с тем, что мы вошли в кризис с большим внешнеэкономическим долгом, в основном корпоративным — долгом предприятий и организаций (на 01.01.2009 г. он составлял 480 млрд долл.). Попав в трудное положение в кризис, предприятия и организации всеми силами пытались привлечь дополнительные зарубежные средства, и они нарастили этот долг до 539 млрд долл. на начало 2012 г., 636 млрд долл. на 2013 г. и 732 млрд долл. на 01.01.2014 г.

Как видим, в последние два года ежегодно внешний долг России возрастал почти по 100 млрд долл. При таком большом долге ежегодно предприятиям и организациям надо отдавать своим внешним кредиторам до 50 млрд долл. выплаты по процентам и 150 млрд долл. возвращать ранее взятых долгов, а всего — около 200 млрд долл. в год.

Дополнительным фактором, который тянет экономику вниз, является прогрессирующая отсталость материально-технической базы,

поскольку при сократившихся после кризиса коэффициентах выбытия и обновления основных фондов их износ и срок службы стал быстро увеличиваться. Стареющие фонды требуют все больше средств на ремонт, обслуживание, больше простаивают, повысилась аварийность, и все это негативно сказывается на экономическом росте.

Так же негативно на экономическом росте сказывается уродливая устаревшая структура экономики, где преобладают топливно-энергетические и сырьевые отрасли, а также производство полуфабрикатов и материалов.

Весь этот комплекс отраслей растет крайне медленно, в последние три года менее чем по 1 % в год. А высокотехнологические отрасли, которые могли бы расти намного быстрее, не занимают значительного места, составляя немногим более 10 % от всего промышленного производства. Сказанное относится и к «экономике знаний», которая в развитых странах и в большинстве развивающихся стран является главным локомотивом социально-экономического развития.

Все перечисленные негативные факторы, которые тянут наш экономический рост вниз к нулевым показателям, могли бы быть частично преодолены при проведении политики по стимулированию экономического роста и форсированию инвестиций. Такая политика была определена Президентом РФ В. В. Путиным в его известном Указе от 7 мая 2012 года «О долгосрочной экономической политике». В этом Указе есть задание — повысить долю инвестиций в ВВП с 20 % в 2012 году до 25 % в 2015 году и до 27 % в 2018 году. Чтобы выполнить это решение, нужно было ежегодные темпы инвестиций поднять до 12 %, что сделано не было. Напротив, инвестиции в эти годы росли медленнее, чем ВВП, и поэтому в 2014 году доля инвестиций в ВВП снизится до 19 %. Если это задание Президента России было бы выполнено, никакой стагнации, рецессии и стагфляции в России бы не было.

На Петербургском международном экономическом форуме в мае 2014 г. в программном выступлении В. В. Путин возвратился к рассмотрению этих вопросов и выдвинул в качестве главной задачу стимулирования экономического роста и технологического обновления. Однако реальная политика правительства эти направления не реализует, скорее — наоборот. В бюджетной политике сокращаются стимулы экономического роста, увеличивается налоговая нагрузка, прежде всего за счет роста акцизных сборов и сборов по обязательному страхо-

ванию, а бюджетные инвестиции сокращаются. Существенно сокращаются с 2013 г. инвестиции государственных корпораций — Газпрома, РЖД, Роснефти и др.

В денежно-кредитной политике Центрального банка для подавления инфляции на много повышена ключевая процентная ставка Центрального банка — с 5,5 % сначала до 7,5 %, а потом до 8 %. Это вызвало, естественно, повышение кредитных ставок для предприятий и организаций, в том числе по инвестиционным кредитам. Это дестимулировало экономическое развитие, существенно его замедлило. Оно замедлилось также из-за крайне низких темпов роста кредитования реального сектора. В последующие годы Центральный банк намерен продолжать эту линию, в том числе прогнозирует замедление роста корпоративных кредитов с 15 % до 11 % в номинале уже в 2015 г.

При этом усилия Центрального банка по подавлению инфляции закончились обратным результатом — ее ускорением с 5,1 % в 2012 г. до 6,8 % в 2013 г. и до 7,5 %, ожидаемых в 2014 г. (в годовом выражении).

Это ускорение инфляции, конечно, не является виной Центрального банка, во многом оно произошло вопреки его желанию. Но само по себе это ускорение свидетельствует о том, что не от Центрального банка эта инфляция зависит, и попытка переложить ответственность за инфляцию на Центральный банк с самого начала обречена на неудачу, так как он не способен в принципе справиться с инфляцией, ибо не влияет на главные факторы, которые ее ускоряют, — отсутствие достаточной конкурентной среды и тенденции государственной и олигархической монополизации отдельных отраслей и сфер деятельности, а также правительственные меры по ежегодному повышению важнейших тарифов по газу, электричеству и другим коммунальным платежам, а также транспортным перевозкам, которые удорожают продукцию.

За четыре года, 2010–2013 гг., индекс цен производителей промышленных товаров вырос на 42 %, индекс цен строительно-монтажных работ — на 35 %, а тарифы на грузовые перевозки (монополист РЖД) — аж на 66 %. При этом потребительские цены (инфляция) увеличились в меньшем размере — на 30 %.

Инфляция также во многом определяется размером бюджетных расходов, включая государственные внебюджетные фонды, с помощью которых в народное хозяйство впрыскивается, притом крайне неравномерно по кварталам, огромная сумма денег (37 % всего ВВП), которая сильно влияет на инфляцию.

Главный вывод из рассмотренного заключается в том, что основная причина торможения экономического роста кроется в недостаточности инвестиций. При этом чтобы сначала уменьшить, а потом устранить негативное воздействие на экономический рост устаревших материально-технической базы и структуры народного хозяйства, опять-таки нужны инвестиционные вложения в технологическое перевооружение производства и в преобразование структуры народного хозяйства, развив здесь, в первую очередь, высокотехнологические отрасли и экономику знаний.

Одним словом, инвестиции — ключ к успеху в ускорении социально-экономического развития.

3. Переход к новой инвестиционной политике и ускорение социально-экономического развития

От стагнации и даже сокращения инвестиций нужно перейти к их форсированному росту. Первый вопрос, который возникает: куда наиболее эффективно вкладывать инвестиции?

Во-первых, инвестиции надо вкладывать в технологическое обновление действующего производства. Это относится к отраслям и сферам с отсталой материально-технической базой и, прежде всего, к энергетике, транспорту, машиностроению, легкой промышленности, ЖКХ, здравоохранению и др.

Начиная с 2015–2016 гг. следовало бы серьезно заняться разработкой бизнес-плана по технологическому обновлению действующего производства, где средняя окупаемость инвестиций может составить 5–7 лет. Из года в год эти инвестиции должны наращиваться с таким расчетом, чтобы эту работу в основном закончить через 15 лет, перейдя в основных отраслях народного хозяйства на современные, принятые в развитых странах технологии и соответствующую передовую систему машин и оборудования.

В качестве первой опорной точки выберем 2020 г. В этом году по условиям 2013 г. на эти цели следовало бы дополнительно к существующему объему капвложений направить 1,5–2 трлн руб. Нужно наметить программу и приоритетные направления. Одна из задач — вначале максимально поднять те отрасли машиностроения, которые позволят наиболее эффективно использовать для этой цели машины и оборудование, произведенные в России. Прежде всего, это касается энерго- и электромашиностроения, нацеленного на техноло-

гическое перевооружение всей энергетики страны и на развитие самолетостроения, производство современных тепловозов и электровазов, грузовых тягачей и полуприцепов для технологического преобразования транспортной системы страны.

Эта технологическая модернизация промышленности и народного хозяйства должна, в конечном счете, привести к тому, чтобы средний срок службы машин и оборудования сократился в России до 8 лет, норма выбытия устаревших фондов достигла бы 4–5 %, а норма обновления — 8–10 %.

Во-вторых, инвестиции необходимы для наращивания новых мощностей и создания новых предприятий, в первую очередь, по расширению производства готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, особенно — высокотехнологической продукции.

Приоритетное значение здесь будут иметь отрасли, где в России существуют лучшие условия для их развития. Речь идет о нефте- и газохимической промышленности и производстве синтетических материалов, а также изделий из них. Это даст возможность России стать одним из лидеров в наступающей синтетической революции при осуществлении массовой замены цветных металлов и легированной стали синтетическими материалами, которые в 3–5 раз легче и в 2–3 раза крепче. В настоящее же время мы завозим многие виды нефтехимической продукции, начиная с полуфабрикатов, не говоря уже о синтетике и изделиях из нее.

Другой отраслью является глубокая переработка древесины и конечных изделий из нее. На 1000 м³ заготовленной древесины Россия производит конечной продукции в этом комплексе в 3 раза меньше, чем США и Канада, и в 5 раз меньше, чем Финляндия и Швеция. Продукция глубокой переработки древесины, например, бумага, в Россию импортируется.

Большой задел в России существует в энерго- и электромашиностроении. И эта отрасль тоже может быть отнесена к приоритетным. Из высокотехнологичных отраслей, кроме самолетостроения (начиная с выпуска среднемагистральных и региональных самолетов и кончая самолетами для местных перевозок и самолетами Карго), нужно отметить производство оборудования атомных станций в связи с лидерством России в строительстве АЭС и развитии космической промышленности.

Все возрастающую роль в развитии всех сфер деятельности играют математические программы для разнообразных электронных устройств. Их разработка, в том числе для экс-

портных целей (оффшорное программирование), является быстрорастущей современной отраслью. Двадцать пять лет назад Россия здесь опережала Индию, благодаря более высокой математической культуре. Индия, как известно, приняла специальные меры по развитию этой сферы и вышла на второе место в мире после США, экспортируя в год математических программ на 64 млрд долл. — в 20 раз больше, чем сегодня экспортирует Россия, отстающая здесь от многих, в том числе развивающихся, стран. Мы могли бы в короткий срок увеличить эту сферу до 15–20 млрд долл., если бы создали сходные с Индией условия развития.

Для экономической безопасности крайне важно также в России развить такие высокотехнологические отрасли, как фармацевтическое производство, производство катализаторов и производство электроники и изделий из нее.

В России построены автомобильные заводы, в основном иностранными фирмами, с мощностями по производству около 3 млн легковых автомобилей в год. Надо реализовать эти возможности, создав соответствующий стимул для развития этой сферы, включая локализацию производства автокомпонентов — этой ключевой отрасли машиностроения.

С учетом крена в производство готовой, особенно высокотехнологичной продукции, нужно изменить структуру экспорта. Для этого надо выполнить предложение Президента РФ В.В. Путина о ежегодном увеличении по 6 % экспорта неэнергетических товаров. При сохранении крупного экспорта нефти, газа и продуктов их переработки доля этих отраслей в экспорте с 70 % сегодня могла бы сократиться до 55 % к 2020 г., 40 % — к 2025 г. и 25 % — к 2030 г. Таким образом, наша страна постепенно «слезет с нефтегазовой иглы», которая сегодня формирует почти 50 % доходов федерального бюджета.

Для создания новых мощностей и новых предприятий потребуются, на наш взгляд, в расчете на 2020 г., дополнительные инвестиции в размере до 2 трлн руб. в год при сроке окупаемости 8–10 лет. В. В. Путин внес предложение — освободить инвестиции в новое строительство от налогообложения.

В-третьих, крупные инвестиции предстоит вложить в создание современной транспортно-логистической инфраструктуры — в создание сети автострад, прежде всего, в европейской части страны и на Урале, сети скоростных железных дорог между крупными городами

и системы логистических центров в составе складов, холодильников, центров распределения продукции и т. п. На эти цели потребуются дополнительно до 2 трлн руб. инвестиций в расчете на 2020 г. со средним сроком окупаемости 18–20 лет.

В-четвертых, предстоит выполнить задачу, поставленную Президентом России на Петербургском экономическом форуме, об удвоении объемов жилищного строительства России к 2020 г. Для этого нужно значительно нарастить инвестиции в жилищное строительство с учетом возможного его удешевления за счет массового перехода к малоэтажному строительству и снижения стоимости подключения к коммунальной инфраструктуре, часть из которой должна создаваться за государственный счет. Дополнительно (в расчете на 2020 г.) жилищное строительство потребует до 1,5 трлн руб. инвестиций, которые в основном будут открыты за счет средств населения.

В-пятых, для всемерного развития сферы «экономики знаний» по 8–10 % в год потребуются дополнительно выделить до 1 трлн руб. инвестиций в год (в расчете на 2020 г.), а также дополнительных бюджетных расходов, прежде всего, на фундаментальную науку, образование и здравоохранение в размере до 2 трлн руб. в год. В этом случае доля экономики знаний в ВВП увеличится с 15 % до 25 % к 2020 г., до 35 % — к 2025 г. и 45 % — к 2030 г. Такой темп этой сферы — главного локомотива социально-экономического развития — позволит ускорить экономический рост всей страны на 1,5–2 % в год.

Как видно, общий объем дополнительных инвестиций в расчете на 2020 год (по условиям инвестирования 2013 г.) составит 7–8 трлн руб. в дополнение к 13,3 трлн руб. существующих инвестиций в 2013 г. Так что общий объем инвестиций повысится до 20–21 трлн руб., что составит 30–32 % всего ВВП. Именно такова норма инвестиций в среднем в развивающихся странах, ежегодный экономический рост которых составляет 5–6 %. При существующей же норме инвестиций в 20 % — примерно такой же, как в развитых странах мира, экономический рост за счет внутренних факторов не превышает 2,5–3 % в год, а применительно к России, где много «черных дыр», которые должны покрываться дополнительными инвестициями, этот рост, в лучшем случае, составит 1,5–2 %.

Однако разогнать экономику до 5–6 % роста вряд ли удастся к 2020 г., когда норма инвестиций достигнет 30–32 %, поскольку в предшествующие годы инвестиции были меньшими и

в значительной мере вкладывались в незавершенные, еще не вступившие в действие объекты. Кроме того, за счет инвестиций в технологическое перевооружение и прирост мощностей за эти 5–6 лет нельзя даже наполовину обновить действующие фонды и тем самым намного ослабить их негативную силу, которая тянет экономику вниз. Так что, по нашим расчетам, экономический рост страны может быть повышен к 2020 г. до 3–4 % вместо 0–1 % в 2013–2015 гг. Более быструю траекторию развития прироста ВВП в год (по 5–6 % в год) можно будет достигнуть ближе к 2025 г. и сохранить ее до 2030 г.

Таким образом, ежегодный рост инвестиций в 2015–2020 гг. составит около 8 %, в 2021–2025 гг. — 10 % и в 2026–2030 гг. — 8 %. Норма инвестиций при этом к 2025–2030 гг. достигнет 35 %, что будет оптимальным, на наш взгляд, для России. Напомним, что в советское время доля капитальных вложений в ВВП составляла около 40 %, а в Китае при среднем темпе 7,5 % она достигает 50 % и более.

Второй вопрос, который возникает при переходе к новой инвестиционной политике, состоит в механизме инвестирования. Сегодня этот механизм неэффективен.

Собственные средства предприятий составляют 46 % от всех инвестиций, а если вычесть инвестиции из госбюджета, то собственные средства увеличатся до 55 %. Кредиты банков при этом составляют всего около 9 %, в том числе отечественных банков не многим более 8 %. Так что подавляющая часть инвестиций осуществляется на безвозвратной основе, что не может предотвратить коррупцию, хищения, а также, что является более существенным, их неэффективное использование. Безвозвратные инвестиции часто не нацелены на достижение конкретного результата, их эффективность не контролируется банками, как это происходит при инвестировании через кредит, широко распространен так называемый откат части безвозмездно выделяемых инвестиционных средств.

Поэтому дополнительные инвестиции на экономическое развитие более целесообразно выдавать, в первую очередь, в виде инвестиционных кредитов под конкретный бизнес-план с четкими целевыми ориентирами, сроком окупаемости, не только на основе возвратности средств со стороны предприятий коммерческим банкам, выделившим этот инвестиционный кредит, но и на основе возвратности дополнительных инвестиционных средств со стороны коммерческих банков Центральному

банку или Внешэкономбанку, которые выделили им эти средства.

При этом роль и ответственность коммерческих банков (системно значимых), выделенных для кредитования народного хозяйства, должна резко повыситься. Чтобы обеспечить возврат кредитных средств и их эффективное использование — окупаемость в намеченные сроки, коммерческие банки должны глубоко с привлечением экспертов проработать бизнес-планы предприятий по привлечению инвестиций. Коммерческий банк должен участвовать на всех стадиях инвестиционного процесса, контролируя и оплачивая прямо, минуя предприятие, проектные работы, поставку оборудования, осуществление строительства, обучение персонала, освоение мощности. Коммерческому банку вместе с предприятием, которое он инвестирует, придется участвовать в переговорах по цене и условиям поставки оборудования, вести переговоры со строителями и т. д. Такой подход будет гарантировать целевое и более эффективное использование инвестиций, их возвратность. Крупные инвестиции при этом должны контролироваться и государственными органами, которые предоставили соответствующий целевой кредит коммерческому банку.

Один из основных вопросов — о процентной ставке за инвестиционный кредит. Эта ставка должна быть столь же низкой, как в развитых странах, если она предоставляется в валюте, и несколько выше (с учетом инфляции), если она предоставляется в рублях. При этом значительную часть кредитов целесообразно предоставлять в валюте тех стран, у которых будут покупаться машины и оборудование — главный компонент инвестиций. Сейчас до 70 % всего оборудования, которое инвестируется в наше народное хозяйство, поступает по импорту. Целесообразно снизить этот показатель хотя бы до 60 %, приоритетно развив в кратчайшие сроки те отрасли машиностроения, где есть возможность в России произвести конкурентоспособное оборудование. Предлагается средства для иностранных кредитов коммерческим банкам предоставлять по ставке 4 %, а в рублях — 6 %.

Конечному пользователю — предприятию — эти кредиты должны быть предоставлены с учетом маржи коммерческих банков, которая, на наш взгляд, не должна превышать 1–2 %, учитывая значительные сроки этих кредитов и их большой объем.

Эти кредиты должны предоставляться на различные сроки, ориентируясь на скорректи-

рованные бизнес-планы, от 3 лет на отдельные проекты технологического перевооружения до 20 лет на крупные инфраструктурные проекты.

Значительная часть кредитов должна предоставляться в виде проектного финансирования. Особенно это касается создания новых мощностей и предприятий, а также инфраструктурных объектов.

Это соответствует требованию Президента РФ В. В. Путина, высказанному им на Петербургском экономическом форуме, о необходимости широкого доступа предприятий к дешевым инвестиционным кредитам.

Особое внимание при инвестировании следовало бы уделить импортозамещению, поскольку речь идет о развитии производства продукции, на которую уже существует устойчивый внутренний спрос. Этот вид инвестирования должен стать весьма значительным и массовым и сопровождаться льготами, привилегиями, гарантиями для развития импортозамещающих предприятий.

Другое приоритетное направление инвестирования — развитие экспортных производств, прежде всего, готовой продукции с высокой добавленной стоимостью для замещения все большей части выручки от дополнительного экспорта. Это инвестирование будет нацелено на задачи ежегодного сокращения зависимости бюджета страны и других денежных фондов от нефтегазового и сырьевого экспорта. Чтобы поощрить развитие экспортных производств, целесообразно здесь установить налоговые, таможенные и другие льготы, использовать госгарантии по примеру того, как это было сделано в Индии еще в 90-е гг. и привело к рывку в развитии экспортных отраслей.

Самые же большие льготы и привилегии должны быть нацелены на опережающее развитие производства высокотехнологических, наукоемких и инновационных товаров и услуг, которые за 10 лет должны быть удвоены, а по наиболее эффективным товарам и услугам — утроены.

Третий и, возможно, самый сложный вопрос новой инвестиционной политики заключается в том, где взять средства для дополнительных инвестиций.

Главным источником, на наш взгляд, здесь должны быть активы банковской системы России, достигшие на 1 января 2014 г. 55 трлн руб., или 86 % ВВП. Это — самый крупный денежный фонд страны, более чем вдвое превышающий средства всех видов государственного бюджета и внебюджетных государственных средств, на которые мы всегда полагались в

первую очередь. Речь идет не столько об увеличении размера этих банковских активов, хотя этим тоже нужно заниматься, а о переключении небольшой части «коротких денег» в составе банковских активов на «длинные деньги» для инвестиционных кредитов.

В настоящее время вся сумма инвестиционных кредитов отечественных банков не многим превышает 1 трлн руб., что составляет около 2 % банковских активов или менее 3,5 % кредитных ресурсов банков, использованных на кредитование (около 39 трлн руб. на 1.01.2014 г.). По отношению к кредитным средствам, предоставляемым предприятиям и организациям (их размер 23,7 трлн руб.), общий объем инвестиционных кредитов ныне составляет немногим более 4,5 %. В общем объеме инвестиций в России доля инвестиционных кредитов отечественных банков составляет, напомним, менее 8,5 %.

Все эти показатели мизерного развития инвестиционных кредитов в России от 3 до 6 раз ниже, чем в развитых странах и основных развивающихся странах. В Китае, например, доля инвестиционных кредитов в ВВП страны составляет 10 %, а в России — 1,5 %. В Германии доля инвестиционного кредита во всех инвестициях составляет 33 % — в 4 раза больше, чем в России, а в США 52 % — более чем в 6 раз выше, чем в России.

Мы должны поставить задачу увеличить долю инвестиционного кредита в общем объеме кредитования в России хотя бы в 3 раза к 2020 году и в 4-5 раз — к 2025 г. Применительно к цифрам 2013 г. это увеличит объем заемных инвестиционных средств отечественных банков к 2020 г. за счет существующих банковских активов на 2 трлн руб., а к 2025 г. на 3-4 трлн руб. в год. До 80 %, на наш взгляд, дополнительных средств на инвестирование, которые будут выделены по линии Центрального банка и Внешэкономбанка, включая бюджетные средства, должны предоставляться через коммерческие банки в виде инвестиционных кредитов. В расчете на 2020 г. это еще около 4 трлн руб. в год. При этом на соответствующую сумму возрастут активы наших банков. Так что удельный вес инвестиционных средств в активах российских банков значительно увеличится.

Могут быть применены различные механизмы для превращения «коротких денег» в активах банков в «длинные деньги». Одной из эффективных форм, широко применяемых в США и Японии, является выпуск казначейством долгосрочных ценных бумаг (в США до 30 лет, в Японии до 40 лет), которые приобре-

таются ФРС США или ЦБ Японии и составляют значительную часть их долгосрочных пассивов. На базе этих пассивов центральный банк кредитует коммерческие банки «длинными деньгами» на различные, в том числе самые долговременные, сроки.

Другим важным источником дополнительных инвестиций могут служить международные золотовалютные резервы РФ, составляющие около 470 млрд долл. Часть этих резервов, как известно, используется для приобретения долгосрочных государственных бонов (ценных бумаг) в США и других развитых странах по крайне низким процентам (до 3 % в год). Поскольку часть золотовалютных резервов не размещалась таким образом, их средняя годовая доходность составляла 1-2 % годовых и не полностью покрывала даже уровень валютной инфляции, не говоря уже о повышении цен на внутреннюю продукцию, производимую в России, в валютном выражении. Если грубо сказать, то золотовалютные резервы страны ежегодно обесценивались.

Переход к санкциям со стороны США и Евросоюза против России вызвал естественный возврат части наших резервных средств из этих стран. И это обесценение усилилось.

Абсурдным выглядело положение до введения санкций: мы обеспечивали западные страны значительными валютными вложениями в их ценные бумаги по низким процентам, а они намного меньшую сумму (как бы из этих резервов) в виде заемных средств, предоставляли нашим предприятиям и организациям по процентной ставке, более чем вдвое превышающей ту, за которую мы предоставляли им свои средства. Причем треть этих средств западные страны направляли государственным организациям России. Не лучше ли было бы, если бы часть золотовалютных резервов мы сами бы предоставляли на возвратных условиях своим, хотя бы государственным организациям, типа «Газпрома», «Роснефти» и т. д. Это дало бы многомиллиардный валютный выигрыш (в долларах) нашей стране. И наши государственные организации могли бы получать заемные валютные средства по более низким процентным ставкам, чем от зарубежных инвесторов, и государство получило бы за свои резервы по крайней мере вдвое больший процент, чем оно получало фактически от размещения этих средств в госбумагах зарубежных стран.

В период санкций кредитование наших организаций, правда не всех, но значительной их части, со стороны Запада, пусть в урезанном виде, но продолжается уже по более высоким

процентным ставкам при худших условиях предоставления кредита. В то же время наши золотовалютные резервы уже не размещаются в таком объеме в ценных бумагах в западных странах. Валютные потери нашей страны в результате значительно выросли.

Сегодня возникла жизненно важная для страны задача преодолеть стагнацию и рецессию, продолжение которой приведет страну к глубокому кризису, к огромным экономическим и социальным потерям. Для этого надо ускорить экономический рост, а это можно сделать только за счет перехода к форсированным инвестициям. Почему бы здесь на взаимобразных принципах не использовать для относительно коротких инвестиционных кредитов часть золотовалютных резервов, ежегодно беря по 30–50 млрд долл., скажем, сроком до 5 лет, что обеспечит нам выполнение задач по технологическому перевооружению действующего производства, которое в значительной мере характеризуется именно таким сроком окупаемости. Нужно учесть, что Россия имеет огромный золотовалютный резерв, по объему уступающий только резервам Китая, Японии и недавно обошедшей нас Саудовской Аравии. Объем наших золотовалютных резервов в три и более раз больше, чем в США, Германии, Великобритании, Франции или Италии, наиболее крупных развитых странах мира, которые могли бы накопить намного большие резервы, но не делают этого, поскольку это экономически невыгодно — сидеть на сундуке золота, который десятилетиями не используется, вернее, используется его небольшая часть. Без какого-то ущерба для экономической и финансовой безопасности страны сроком на 5 лет можно было бы, на наш взгляд, ежегодно брать займы указанную выше сумму, равную около 1–2 трлн руб.

Третьим значительным источником дополнительных инвестиционных средств мог бы стать переход к принятому в развитых странах безопасному бюджетному дефициту в размере до 3 % ВВП (жесткий западноевропейский норматив). Переход к 3-процентному дефициту бюджета (вместо допустимого бюджетным правилом России 1-процентного дефицита), который может быть покрыт путем выпуска долгосрочных государственных ценных бумаг, о которых говорилось выше, что является безинфляционным делом, позволит привлечь ежегодно еще до 2 трлн руб. дополнительных инвестиций.

В качестве инвестиционных средств могут быть использованы и значительные средства от приватизации части государственных пред-

приятий и организаций, не выполняющих государственные функции, а занимающихся чисто коммерческой деятельностью с извлечением прибыли и самообогащением, что намного эффективнее делать в рамках частной собственности. К тому же эти коммерческо-государственные организации, в основном, являются монополистами, завышают цены, все время обращаются к государству с протянутой рукой, правдами или неправдами выбивают для себя выгодные заказы, разного рода льготы и привилегии, госгарантии и т. д., чтобы себя оградить от конкуренции, содействуя не самой эффективной таможенной политике.

Можно сослаться на пример Волжского автозавода, который получил от государства большую поддержку, особенно в кризис, в отличие от других негосударственных автомобильных заводов России, лоббирует завышенные пошлины на конкурирующие модели и т. п. К тому же неэффективно работает, больше других снизил сбыт своих машин и т. д., не говоря уже о качестве продукции. В частных руках это предприятие процветало бы, а не тащилось в хвосте всех автомобильных заводов России.

Примером неэффективной работы является и государственное ОАО «РЖД», повысившее, как говорилось, в послекризисный период свои тарифы на 66 %, почти втрое выше общей инфляции в стране. Эта организация тоже каждый год сосет госбюджет, требует использования на свои цели резервных средств из Национального фонда благосостояния, чего не позволяет себе ни одна частная организация, даже олигархического типа.

Крайне неэффективно работает и неприватизированный «Газпром», естественная монополия, нуждающаяся действительно в приватизации, прежде всего, в процессах добычи газа. Разговоры о приватизации (хотя бы частично) «Роснефти» ни к чему не приводят, все время блокируются. И эта богатейшая организация, в отличие от других нефтяных вертикально интегрированных компаний, недавно обратилась в правительство с просьбой из-за санкций помочь ей 1,5 трлн руб., чего в мыслях не может быть ни у одной частной компании.

Не лучшим образом хозяйствуют государственные банки, во многом занимаясь самообогащением и мало помогая реальному сектору. Достаточно сослаться на Сельхозбанк или на ВТБ.

Не хватает политической воли, чтобы начать крупную приватизацию (по примеру Москвы при новом мэре), когда от приватизации были получены триллионы рублей в одном

городе, где нет ни нефти, ни газа, ни протяженных железных дорог. Надо поставить задачу получать от приватизации по одному триллиону рублей в год и направлять в виде инвестиционных кредитов эту сумму на инвестиции.

Наконец, крупным источником инвестиций могут быть средства населения, учитывая более 20 трлн руб. сбережений в России, и, по оценкам, около 700 млрд долл. сбережений за рубежом. Эти сбережения в авансовом виде могут использоваться для развития автомобильной промышленности, жилищного строительства, приобретения земли и дач. Нужно только создать условия, чтобы, с одной стороны, людям гарантировали сохранение их средств, с другой стороны, было выгоднее покупать автомобили или жилье с использованием значительной части собственных средств.

В свое время инвестиции за счет прибыли предприятий не облагались налогом. Когда с 2003 г. они стали облагаться налогом, часть прибыли ушла в тень, темпы роста инвестиций резко снизились. Сейчас из всей прибыли на инвестиции идет менее 20 %. Если освободить инвестиции от налогообложения, можно увеличить этот важнейший источник. Кроме того, надо откорректировать амортизационную политику, более широко использовать ускоренную амортизацию, увеличив амортизационный фонд, и за счет этого увеличить инвестиции. Минимум один триллион рублей дополнительных инвестиций можно изыскать за этот счет.

Если же всех этих средств не хватит, то можно пойти на увеличение государственного внешнеэкономического долга России, который пока крайне низок — всего 3 % ВВП, в сравнении с 90-процентным долгом европейских государств, более чем 100-процентным внешнеэкономическим долгом государства США, 200-процентным государственным долгом Китая и Японии. Наше государство вполне могло бы взять дополнительный долг на дли-

тельный срок под низкий процент, учитывая устойчивую хорошую репутацию России с точки зрения обслуживания государственного внешнеэкономического долга. Этот долг можно было бы взять в размере 20–30 % ВВП (международный стандарт безопасности здесь — до 60 % ВВП), если в этом будет острая нужда. Подчеркнем, речь идет не о «проедании» денег, а о возвратном долге, который окупается, поскольку будет тоже использован в виде инвестиционных кредитов.

Как видно, у России есть в основном внутренние источники для изыскания значительных дополнительных инвестиций. Но для этого нужно отказаться от догм вроде бюджетного правила, которое было хорошо в обычных условиях, но является непродуктивным в условиях стагнации и рецессии.

Последствия и риски продолжения стагнации и рецессии неизмеримо опаснее и хуже по последствиям, чем риски от увеличения до 3 % дефицита бюджета, использования ежегодно по 7–10 % золотовалютных резервов (30–50 млрд долл.), увеличения инфляции на 1–2 % и т. д.

Нет никаких оснований думать, что стагнация и рецессия сами по себе прекратятся. У нас два пути — или в гору или под гору. Продолжение действующей политики ведет в тупик, к тяжелому кризису.

И, напротив, переход к стимулированию экономического роста и к форсированным инвестициям позволит в ближайшие 3–5 лет преодолеть стагнацию, рецессию и стагфляцию, ускорить социально-экономическое развитие, обеспечить нашей стране темпы социально-экономического развития, вдвое превосходящие темпы развитых стран и превышающие средние мировые тренды.

Роль нашей страны в мировой экономике возрастет, экономическая мощь по отношению к развитым странам с каждым годом будет крепнуть.

Список источников

1. Аганбегян А. Г. Необходимость рыночных реформ в стратегии социально-экономического развития России // Экономические стратегии. — 2012. — № 8. — С. 18–23.
2. Аганбегян А. Г. О модернизации общественного производства в России // Экономика региона. — 2011. — № 2. — С. 7–10.
3. Аганбегян А. Г. О модернизации социальной системы России // Экономическая политика. — 2010. — № 2. — С. 5–19.
4. Аганбегян А. Г. О новой промышленной политике // ЭКО. — 2012. — № 6. — С. 4–22.
5. Аганбегян А. Г. России требуется политика форсированных и эффективных инвестиций // ЭКО. — 2014. — № 7(481). — С. 6–11.
6. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России : 2-е изд. — М.: Дело, 2004. — 272 с.

УДК 338.24.021.8

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, причины рецессии, инвестиционная политика